

Таким образом, при проведении переводческого сопоставления исходного текста и текста перевода нами были определены использованные переводчиками лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические трансформации при переводе приложений, существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, лингвоэтнических слов и авторских словосочетаний. В 15 проанализированных словах и выражениях комплексные лексико-грамматические трансформации используются 7 раз, лексические трансформации – 3 раза, грамматические трансформации – 5 раз. Частотность применения сложных трансформаций еще раз подчеркивает, что белорусско-английский поэтический перевод представляет собой предмет дальнейших серьезных исследований.

Сокращения

ACC – accusative; **ADJ** – adjective; **DAT** – dative; **DEF** – definite; **DIM** – diminutive; **GEN** – genitive; **INDF** – indefinite; **IMP** – imperative; **LOC** – locative; **NEG** – negative; **NOM** – nominative; **PL** – plural; **POSS** – possessive; **PRS** – present; **PST** – past; **SG** – singular; **x** – слово отсутствует в переводе.

ЛИТЕРАТУРА

Интервью профессора Арнольда Макмиллина корреспонденту журнала «Большой» [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://bolshoi.by/persona/professor-arnold-makmillin-ya-by-na-meste-beloruskix-pisatelej-orientirovalysya-na-nemeckij-rynok/>. Дата доступа: 15.08.2012.

Колас Я. Сбор твораў: У 14 т. Мінск, 1972. Т. 1.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1990.

Купала Я. Поўны збор твораў: У 9 т. Мінск, 1995–2001. Т. 2, 4.

Купала Я. Санеты: На бел., англ., исп., ням., польск., рус., укр., фр. мовах / Уклад. Ж. К. Далкюнас і В. П. Рагойша. Мінск, 2002.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

Скамарохава С. А. Нацыянальна-культурны кампанент мовы і некаторыя праблемы ягонага перакладу // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000. С. 247–253.

Скамарохава С. А. Да праблемы беларуска-англійскага паэтычнага перакладу // *Материалы Междунар. круглого стола по проблемам теории и практики перевода (Минск, 19–20 дек. 2003 г.)*. Минск, 2004. С. 47–52.

Скамарохава С. А. Пераклады В. Рыч беларускай паэзіі на англійскую мову // *Весті НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. 2005. № 1. С. 93–100.

Чарота І. А. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу. Мінск, 2011.

Купала Я. Song to the Sun. Minsk, 1982.

Lehmann Chr. Directions for Interlinear Morphemic Translations // *Folia Linguistica*. 1982. № 16. P. 199–224.

Rich V. Like Water, Like Fire: An Anthology of Byelorussian Poetry from 1828 to the Present Day. London, 1971.

The Leipzig Glossing Rules: Conventions for Interlinear Morpheme-by-Morpheme Glosses [Electronic resource]. 2012. Mode of access: www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php. Date of access: 15.08.2012.

Поступила в редакцию 31.10.12.

Юлия Владимировна Соколова – старший преподаватель кафедры английского языкознания.

ХАЛЕДИАН РАХЕЛЕ

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Исследуется группа фразеологических единиц, содержащих лексический компонент с семантикой цвета, представляющих значительный интерес с точки зрения отражения культуры определенного этноязыкового сообщества в структурах его языка. Раскрыты основные проблемы сопоставительного изучения фразеологизмов с колоративным компонентом в персидском языке.

A group of phraseological units containing the lexical component with the semantics of colour is of considerable interest in view of how the culture of a certain ethno-linguistic community is reflected in the structures of its language. The major problems of the comparative study of phraseologisms with a colorative component in Persian are discussed.

В последнее десятилетие заметно возрос интерес к изучению фразеологизмов с компонентом цветообозначением как в отдельно взятых языках, так и в группах сопоставляемых языков, о чем свидетельствует достаточно большое число публикаций. Это мотивировано тем, что, во-первых, лексико-семантическая группа слов-цветообозначений в системе языка замкнута в синхронической перспективе и легко обозрима и, во-вторых, эта подсистема явно культурно специфична. Поэтому ее изучение представляет значительный интерес как в собственно лингвистической, так и в когнитивной, психологической, этнокультурной перспективах.

Система цветообозначений и символика цвета в разных языках и культурах давно стали объектом пристального внимания. Уже в 1810 г. И. В. Гёте написал трактат «К учению о цвете (хроматика)», которым открывается двухсотлетняя история изучения воздействия цвета на человека. Психолингвистические аспекты проблемы стали особенно активно исследоваться и обсуждаться в связи с дискуссиями вокруг гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа (см. Коул, Скрибнер 1977).

Исследование, проведенное в конце 1960-х гг. Б. Берлином и П. Кеем на материалах 20 разноструктурных языков, показало, «что, хоть различные языки и кодируют в своих словарях различное число основных цветовых категорий, существует полный универсальный список, включающий в точности одиннадцать основных цветовых категорий, из которого всегда извлекаются одиннадцать или менее основных обозначений цвета любого данного языка. Эти одиннадцать основных цветовых категорий таковы: белый, черный, красный, зеленый, желтый, голубой, коричневый, пурпурный, розовый, оранжевый и серый» (Berlin, Kay 1991, 2). Отклонение от общего правила зафиксировано только для русского языка, в котором для обозначения цвета из коротковолновой области видимого спектра имеются два отдельных термина: голубой и синий, в силу чего универсальный реестр расширяется до двенадцати категорий (см. Berlin, Kay 1991, 36–44; Corbett, Morgan 1988; Davies, Corbett 1994; Ярцева 1998; Федосов, Лапицкий 2003).

Были проведены обстоятельные исследования функционирования цветов и цветового символизма в ритуалах и мифологиях многих народов мира. В. Тэрнер выявил существование треугольника, состоящего из обозначений трех основных цветов – белого, черного и красного (см. Тэрнер 1972; Тэрнер 1983). Было также установлено, что «трехчленная система цветов красный – черный – белый является определяющей для наскальной живописи верхнего палеолита и поэтому с надежностью может считаться характерной для Homo sapiens с самого начала его археологически засвидетельствованного существования. Эта система, в которой красный цвет (охра) был выделен как особо значимый, резко отлична от известной у антропоидов преобладающей роли синего цвета» (Иванов 1981, 167).

Несмотря на огромное количество проведенных экспериментов, вопрос о влиянии языка на мышление в концептуализации перцептивного пространства цвета все еще остается остро дискуссионным. Так, П. Кей и Ч. К. МакДэниэл доказывают, что значения терминов цвета являются нейробиологическими инвариантами и одинаковы у всех людей в силу тождества физиологического субстрата цветового зрения, независимо от того, как они кодируются разными языками (см. Kay, McDaniel 1978). Сторонники данной позиции полагают, что защитники влияния культуры (и языка) на категоризацию цвета смешивают значение термина цвета и его значимость.

Оппоненты данного взгляда проводят все новые, более тонкие, эксперименты и доказывают, что цветовые категории не универсальны, что лингвистическая относительность действительно имеет место и что овладение лингвистическими категориями в процессе обучения языку влияет на точность распознавания цветов (см. Goldstein, Davidoff, Roberson 2009; Roberson et al. 2005).

На наш взгляд, важно иметь в виду различие значения цветообозначения и его культурной значимости, порождаемое фундаментальной дифференциацией когнитивных процессов на интрасубъективном (индивидуальное сознание) и интерсубъективном (общественное сознание, культура как коллективный интеллект) уровнях. В первом случае коррелятами лингвистических значений действительно являются определенные нейробиологические инварианты – универсальные в силу материального единства нейрофизиологического субстрата, реализованного в виде нейронных сетей различной сложности и топологии. Во втором случае аналогом нейропроцессоров, если использовать компьютерную метафору, выступают социальные сети и коррелятами значимостей – некоторые инварианты, ассоциированные с принятыми в данном этнокультурном сообществе правилами поведения, способами кодирования и трансляции общественно релевантной информации. Очевидно, на этом интерсубъективном уровне особенно возрастает роль вторичных моделирующих семиотических систем, в том числе и надстраиваемых над естественным языком, таких как ритуал, миф, литература, искусство и т. д.

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом-цветообозначением оказываются в данном случае особенно диагностичными, чем во многом и объясняется интерес к сопоставительному их изучению, наблюдаемый в последнее время.

В имеющейся литературе существует значительный терминологический разнобой в обозначении такого рода ФЕ. Согласно Д. Н. Борисовой (см. Борисова 2008), можно указать несколько основных тенденций (рубрики 1–5 соответствуют рубрикам, выделенным Д. Н. Борисовой).

1. Употребление термина «цветообозначение» встречается чаще других и у многих авторов, в частности у Н. Б. Бажилиной, А. И. Белова, А. П. Василевича, Ю. В. Зольниковой, С. Г. Тер-Минасовой и др.

2. Использование терминов «имя цвета» (Р. М. Фрумкина, С. А. Фетисова) и «цветонаименование», отмеченное в работах А. П. Василевича (как перевод англ. *color term* наряду с термином «цветообозначение»), М. В. Завьяловой и др., а также «название цвета» (А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко).

3. Использование терминов «цветовой термин» (особенно в переводной литературе), «термин цвета» в работах В. Г. Кульпиной, В. А. Богушевской и некоторых других авторов, представляющих собой полукальки с соответствующего английского оригинала *color term* (см., например: Berlin, Kay 1991) и практически синонимичных термину «цветообозначение».

4. Употребление описательных выражений типа «прилагательное со значением цвета» (Е. Ю. Бережных, Ф. Озхан), «цветовое прилагательное» (А. В. Зеленин), «прилагательное цвета» в работах Е. В. Рахилиной, А. А. Кайбияйнен, «прилагательное, обозначающее цвет» у О. В. Тороповой.

5. Внедрение особых терминов, таких как «окказионализм-хроматоним» в работе С. А. Цыгановой и «колороним» в работах С. Л. Кирьянова, Д. Н. Поляковой и др.

6. Все более активное терминологическое использование слова «колоратив» и выражений «колоративный компонент», «компонент-колоратив» в работах ряда авторов (Я. А. Барышева, Л. И. Ильясова, А. М. Сербиновская и Ю. В. Маслова, А. С. Слухай, Г. А. Филь).

7. Нечастое употребление выражений «цветовой компонент» и «компонент цвета» (Аньфэн Ли, О. В. Праченко).

8. Совсем редкое применение термина «колоризм» (С. В. Кулинская).

Зачастую одним и тем же автором используется несколько вариантов наименования данного компонента.

На нецелесообразность использования терминов, ассоциированных с именными частями речи, по крайней мере, для русского языка резонно указывала в свое время Н. Б. Бахилина. Так, она писала: «Учитывая особенности древнерусской литературы, где прилагательные цветообозначения употребляются ограниченно, где атрибутивность вообще редка, мы сочли бы досадным упущением не учитывать материала слов, относящихся к другим грамматическим категориям. Поэтому в иллюстрациях используются примеры с глаголами, причастиями, существительными, содержащими цветовой признак. В работе рассматривается история глагола *рдеть*, одного из редких слов, сохранивших значение красного цвета, интересного своей историей, соотношением в слове значений света и цвета» (Бахилина 1975, 5). В этом смысле не представляется удачным продвигаемый рядом авторов, особенно в Украине, неологизм «колороним», так как он, кроме упомянутой ассоциации с именными частями речи, нигде за пределами бывшего СССР не встречается. Слово же «хроматоним» уже отмечено терминологическим узусом и означает, как правило, «псевдоним, в основу которого положено название цвета» (например, Андрей Белый, Саша Черный и т. п.).

Сочетания «термин цвета», «цветовой термин», будучи полукальками с английского *color term*, не могут использоваться в качестве гиперонима для лингвистических единиц, выражающего цветовой признак, так как в русском языке слово «термин» имеет общее значение – «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» (Ярцева 1998, 508). В таком случае очевидными терминами будут такие сочетания, как «белила титановые», «белила цинковые», «кадмий желтый», «кармин красный», «сажа газовая» и т. д., входящие в терминосистему красок. Терминологичны и сочетания «красная область спектра», «синяя область спектра» в области спектроскопии.

Вполне приемлемым и наиболее часто используемым является термин «цветообозначение», но и у него имеется нежелательная коннотация, связанная с существованием нелингвистических кодовых систем для обозначения цветов и их оттенков, как, например, «0080-Y», «0858085», «109», «#fff00d» – обозначения одного и того же желтого цвета в системах NCS, RAL, Pantone, RGB соответственно.

Наконец, термин «колоратив», будучи субстантивом от прилагательного (англ. *colorative* «имеющий отношение к цвету, окраске»), более подходит для наименования элемента определенного класса прилагательных, как, например, в определении: «Колоративы – одна из разновидностей лексических универсалий, достаточно четко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвета» (Гекман 2008).

На наш взгляд, наиболее общим термином для большинства лингвистически релевантных случаев употребления является сочетание «колоративная единица» (языка), так как оно равно употребимо как для обозначения отдельных слов, относящихся к разным частям речи (существительным, прилагательным, глаголам, наречиям), так и для обозначения сочетаний слов, употребляемых для первичной и вторичной номинации цветовых признаков (например, «газовая сажа» – название черной краски (особенно художественной) с пигментом «сажа»), в том числе фразеологических сочетаний (например, «цвета детской неожиданности» – «о неприятном, некрасивом, чаще коричнево-зеленом цвете» (Белянин, Бутенко 1994, 170)). Колоративные единицы, входящие в состав неоднословных дискурсивных единиц (сочетаний слов, предложений, текстов), естественно называть «колоративными компонентами».

Выражению «колоративный компонент фразеологической единицы» проще найти аналоги на современных европейских языках (в частности, «the colorative component of a phraseological unit» в английском языке), чем, например, термину «компонент-цветообозначение фразеологической единицы», что может способствовать унификации международной терминологии в области фразеологии.

Первые работы, посвященные изучению фразеологизмов с колоративным компонентом, были выполнены преимущественно на материале германских языков. Это, видимо, не случайно, так как западная лингвистика, особенно англо-американская, значительно продвинулась в плане фразеологии и издания словарей, но теоретическая разработка фразеологических проблем там практически отсутствовала (см. Амосова 1963, 11). Успехи фразеологии, исторической фразеологии способствовали расширению исследований на другие языки и группы языков. Позднее, особенно с конца 1990-х гг., начинается фронтальное систематическое изучение фразеологизмов с колоративным компонентом с превалированием сопоставительно-контрастивного и лингвокультурологического ракурсов.

На сегодняшний день ФЕ с колоративными компонентами во многих языках изучены уже достаточно хорошо, в отличие от современной иранистики, где такие исследования еще только начинаются. Как правило, они мотивируются необходимостью совершенствования преподавания персидского языка и подготовки переводчиков с персидского языка на европейские и, наоборот, в связи с особым положением современной Исламской Республики Иран на геополитической карте мира. Однако интерес к персидским фразеологизмам с колоративным компонентом обусловлен по крайней мере еще двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что персидский язык (фарси как государственный язык Ирана и его варианты дари в Афганистане и таджики в Таджикистане) – один из древнейших языков, рано засвидетельствованный многочисленными письменными памятниками, имеющих многовековую литературную традицию, что делает его надежным источником для многих культурно-исторических реконструкций. И во-вторых, тем, что образная составляющая в этом языке чрезвычайно велика. Как следствие этого, произведения литературы и живой разговорный язык весьма насыщены фразеологизмами, в качестве которых часто фигурируют многочисленные афоризмы, воспринимаемые носителями языка как народные изречения, пословицы и поговорки, а также цитаты из Корана, произведений классиков персидской литературы (см. Голева 1997). И можно только присоединиться к характеристике национальной фразеологической системы персидского языка, данной Г. С. Голевой, как «хранителя, источника, кладезя обширной экстралингвистической информации» (Там же).

К числу специальных работ, посвященных изучению персидских фразеологических единиц с колоративным компонентом и выполненных в контрастивном ключе, мы можем с полным правом отнести, пожалуй, совсем недавно появившиеся статьи С. Ахмади (Sahar Ahmadi) и С. Кетаби (Saeed Ketabi) «Процедуры перевода и проблемы цветовых идиоматических выражений в английском и персидском языках: культурное сравнение» (см. Ahmadi, Ketabi 2011) и Б. Гхафела (Banafsheh Ghafel) и А. Э. Расекха (Abbass Eslami Rasekh) «Цветовые обозначения в персидских и английских метафорических выражениях: когнитивные схемы Аль-Хаснави» (см. Ghafel, Rasekh 2011).

В фокусе внимания С. Ахмади и С. Кетаби оказались проблемы переводимости идиоматических выражений с английского языка на персидский и с персидского на английский в связи с реализацией систем машинного перевода. Одной из задач данного исследования было выявление обусловленных культурой различий и подобия между ФЕ двух сравниваемых языков. Проанализировав 190 английских и 90 персидских фразеологизмов с колоративным компонентом, Ахмади и Кетаби выделили 6 групп в соответствии с приемлемыми в каждом случае стратегиями перевода.

Исследование показало, что наиболее часто используется стратегия перевода идиоматических выражений языка источника (ЯИ) с помощью неидиоматических выражений языка перевода (ЯП): 38,95 % в случае направления перевода Английский → Персидский и 37,78 % в случае направления Персидский → Английский.

На втором месте оказалась стратегия перевода идиоматических выражений ЯИ с помощью близких по смыслу и форме идиоматических выражений ЯП: 24,21 и 21,11 % соответственно указанным выше случаям.

Третий показатель у стратегии перевода идиоматических выражений ЯИ с помощью близких по смыслу, но отличных по форме идиоматических выражений ЯП: 9,47 % при направлении Английский → Персидский и 16,67 % при направлении Персидский → Английский. Однако к ним очень близок показатель некорректных переводов: 10,0 и 4,44 % соответственно. И это при том, что данные были взяты из авторитетных двуязычных словарей.

Стратегии буквального перевода и перевода посредством перефразирования отметились показателями 8,42 : 8,89 % и 5,26 : 11,11 % соответственно. Калькирование и использование заимствований при переводе отмечено только в 3,68 % случаев и только в направлении Английский → Персидский.

Исходя из полученных данных, С. Ахмади и С. Кетаби делают вывод, что проблема перевода идиоматических выражений реально заключается не в их предполагаемой непереводимости, скорее действительная проблема состоит в том, что в тексте на языке перевода не всегда может быть передана их специфическая идиоматичность.

С. Ахмади и С. Кетаби делают также важные лингвокультурологические выводы:

1) в некоторых случаях отмечается схожий символизм основных цветов в английском и персидском языках: «чистота» для «белого», «гнев» и «смятение» для «красного» и т. д.;

2) в ряде случаев одни и те же концепты символизируются в разных языках разными цветами: «болезнь» – «зеленым» (в английском) и «желтым» (в персидском), «здоровье» – «розовым» (в английском) и «зеленым» (в персидском) и т. д.;

3) очевидное различие в степени использования ФЕ с колоративами: в английском языке они более распространены и применяются как в разговорной речи, так и в официальной, тогда как в персидском языке они более характерны для сферы неформального общения;

4) идиоматичность характерна для некоторых обозначений цветов и оттенков в составе ФЕ.

Цель исследования Б. Гхафела и А. Э. Расекха – определить степень различия «когнитивных карт» у носителей английского и персидского языков при использовании разного рода метафорических выражений (сравнений, метонимий, фразеологизмов, пословиц и поговорок) с колоративами и критически оценить их когнитивную эквивалентность при переводе. Методологическую основу данного подхода составляет модель перевода метафор Аль-Хаснави, в которой группировка сопоставляемых метафорических выражений проводится по совпадению или несовпадению двух параметров: отражаемой ситуации и лексического воплощения (речь, разумеется, идет о плане содержания лексических единиц). Исходя из этого, рассматриваются три исхода сопоставления: 1) когда совпадают как отображаемые ситуации, так и лексические воплощения; 2) когда имеет место совпадение отображаемых ситуаций и несовпадение лексических воплощений; 3) когда не совпадает ни то, ни другое.

В результате Б. Гхафел и А. Э. Расекха пришли к выводу, что при использовании лексем с семантикой цвета в образовании метафорических выражений носители английского и персидского языков исходят из разных ситуаций и по-разному концептуализируют опыт, хотя известная степень эквивалентности при переводе также имеет место.

К сожалению, в указанных работах не обсуждаются вопросы, связанные с восстановлением фрагментов картины мира, ассоциированных с соответствующими фразеологическими моделями.

Для сопоставительного исследования фразеологизмов с колоративным компонентом в русском и персидском языках большое значение имеет огромная предварительная работа, которая была проделана составителями персидско-русских и русско-персидских словарей (Г. А. Восканяном, М. А. Гаффаровым, С. Д. Клевцовой, Б. В. Миллером, И. К. Овчинниковой, Ю. А. Рубинчиком с коллегами, И. Д. Ягелло и др.). В них, как правило, большое внимание было уделено и фразеологии обоих языков. Трудно переоценить вклад Г. С. Голевой, составившей и издавшей первый персидско-русский фразеологический словарь, в котором были учтены достижения современной фразеологии (см. Голева 2000). Г. С. Голева максимально широко очертила объем и границы персидской фразеологии, обстоятельно рассмотрела вопросы фразеологической полисемии, синонимии и вариативности, представила структурно-семантическую и грамматическую характеристики фразеологических единиц. Большое внимание уделялось источникам происхождения фразеологизмов современного фарси. Все это было подчинено главной цели – обоснованию принципов построения персидско-русского фразеологического словаря (см. Голева 1997, 2006). Особую ценность представляют многочисленные историко-культурные комментарии, которыми снабжены словарные статьи. В ряде работ других авторов интересующие нас вопросы затрагивались в связи с разработкой иных тематически связанных тем.

Сопоставительное изучение фразеологии дает наиболее интересные результаты, когда сопоставляются: 1) неблизкородственные языки; 2) разноструктурные языки; 3) языки, принадлежащие разным культурным ареалам (более подробно см.: Dobrovol'skij, Piirainen 2005, 6).

A priori можно ожидать, что в случае рассматриваемой пары языков – русского и персидского – отношения как собственно языкового, так и культурно-исторического плана будут отличаться достаточным разнообразием, обусловленным рядом причин. Приведем некоторые из них:

1) русский и персидский языки, хотя и состоят в отдаленном родстве в рамках индоевропейской языковой семьи, прошли достаточно длительные пути совершенно самостоятельного развития;

2) русский язык синтетический, но с имеющими место тенденциями к аналитизму; персидский язык характеризуется достаточно выраженным аналитизмом;

3) русская и персидская культуры испытали несколько мировоззренческих революций, связанных с принятием христианства (русская культура), религиозной реформой Зороастра и принятием ислама (персидская культура);

4) влияние греческого языка на русский и арабского на персидский;

5) влияние персидской культуры на русскую и русской на персидскую в разные исторические эпохи.

Разумеется, все эти факторы так или иначе отражены и в особенностях фразеологического состава исследуемых языков. Предложенное терминологическое уточнение может способствовать не только решению задачи унификации терминологической системы фразеологии, но и в ряде случаев расширить материальную базу сравнения фразеологических систем, в частности, русского и персидского языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
 Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
 Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.
 Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Вып. 23. Филология. Искусствоведение. 2008. № 21(122). С. 32–37.
 Гекман М. Л. Цветообозначения как один из объектов исследования этнолингвистики [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/24_SVMN_2008/Philologia/27314.doc.htm. Дата доступа: 20.05.2012.
 Голева Г. С. Персидская фразеология (лингвосоциокультурологический аспект) // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 135–141.
 Голева Г. С. Фарси-русский фразеологический словарь. М., 2000.
 Голева Г. С. Фразеология современного персидского языка. М., 2006.
 Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии) // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 163–177.
 Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М., 1977.
 Тэрнер В. У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ндембу) // Семиотика и искусствоведение: Сб. переводов. М., 1972. С. 50–81.
 Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
 Федосов И. В., Лапицкий А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М., 2003.
 Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
 Ahmadi S., Ketabi S. Translation Procedures and Problems of Color Idiomatic Expressions in English and Persian: Cultural Comparison in Focus // The Journal of International Social Research. 2011. Vol. 4. № 17. P. 9–39.
 Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991.
 Corbett G., Morgan G. Color Terms in Russian: Reflections of Typological Constraints in a Single Language // Journal of Linguistics. 1988. Vol. 24. № 1. P. 31–64.
 Davies I., Corbett G. The Basic Color Terms of Russian // Linguistics. 1994. Vol. 32. № 1. P. 65–90.
 Dobrovolskij D., Piirainen E. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives. Oxford, 2005.
 Ghafel B., Rasekh A. E. Color Terms in Persian and English Metaphoric Expressions: Al-Hasnawi's Cognitive Schemes in Focus // Cross-Cultural Communication. 2011. Vol. 7. № 3. P. 198–210.
 Goldstein J., Davidoff J., Roberson D. Knowing Color Terms Enhances Recognition: Further Evidence from English and Himba // Journal of Experimental Child Psychology. 2009. Vol. 102. № 2. P. 219–238.
 Kay P., McDaniel K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms // Language. 1978. Vol. 54. № 3. P. 610–646.
 Roberson D. et al. Color Categories: Evidence for the Cultural Relativity Hypothesis // Cognitive Psychology. 2005. Vol. 50. № 4. P. 378–411.

Поступила в редакцию 23.10.12.

Халеидан Рахеле – аспирантка кафедры прикладной лингвистики. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики преподавания русского языка как иностранного С. И. Лебединский.

Дыскусіі

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ? (К введению в программы филологических факультетов курса «Философия языка»)

Курс философии языка (включая философию коммуникации) позволит развить у студентов-филологов системно укрупненные и углубленные представления об основных объектах филологического знания. В отличие от общего языкознания и теории литературы курс философии языка и коммуникации предполагает большее внимание к междисциплинарной проблематике – на стыке филологии и семиотики, теории коммуникации, антропологии и социальной психологии, эстетики и искусствознания. Представлена авторская учебная программа 2012/13 учебного года по курсу «Философия языка и коммуникации» для магистрантов филологического факультета Белорусского государственного университета.

Introduction to the Faculty of Philology of course the philosophy of language (including the philosophy of communication) will develop the students of philology systematically enlarged and in-depth understanding of the basic objects of philological knowledge. Unlike general linguistics and literary theory, philosophy of language and communication involves more attention to interdisciplinary issues – at the interface of philology and semiotics, communication theory, social psychology and anthropology, aesthetics and art history. The paper presents author's 2012–2013 academic curriculum, the course «Philosophy of Language and Communication» for graduate students of philological faculty of Belarusian State University.

Согласно учебным планам в Беларуси через два года у студентов филологических факультетов будет новый курс – «Философия языка». Аудиторные часы на «Философию языка» в основном были выделены из общего курса философии для гуманитариев. По-видимому, филологи воспримут эти